

Stages of development of Manas studies (Part 1)

Abakirov K.

Этапы развития манасоведения (Часть 1)

Абакиров К.

Абакиров Курманбек / Abakirov Kurmanbek – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра кыргызской литературы,

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: автор в данной статье подводит итоги проблем, рассмотренных в предыдущих своих публикациях. Анализируя взгляды видных манасоведов по вопросу возникновения и становления науки об эпосе «Манас», автор излагает свою точку зрения.

Abstract: the author in this article has summed up the problems, considered in his previous publications. Having analyzed the views of outstanding Manas studies researchers subject to the matter of origin and formation of science about Manas Epos, the author has set forth his own point of view.

Ключевые слова: этапы развития, направления, общественные условия, база, характеристика, сказители, кадры, возникновение, развитие, труды, требования времени.

Keywords: development stages, directions, social environment, base, characteristics, story-tellers, human resources, origination, development, works, demands of the time.

Процесс становления, формирования и развития манасоведения как науки не имеет последовательной динамики. Поскольку все этапы его эволюции, включая появления рукописного варианта отдельных фрагментов эпоса, его популяризация и главным образом начало исследовательской работы по данному направлению происходили в контексте исторических, социально-экономических, а также культурных процессов, которые, в свою очередь, не могли не иметь влияния на ход развития манасоведения в целом. В частности, к подобным экстралитературным факторам можно отнести и идеологическую составляющую, ярким примером которой являются попытки интерпретировать эпос как антинародное произведение. В этой связи достаточно вспомнить политическую кампанию против «буржуазного национализма» и «безродного космополитизма», развязанную в конце 40-х – начале 50-х годов, под влиянием которой «Манас» был не только предметом литературно-политических дискуссий, но и объектом политической травли, которая не обошла стороной и многих манасоведов того времени. Из вышесказанного следует, что эволюция развития манасоведения как самостоятельной науки должна рассматриваться в контексте внешних, как уже отмечено, экстралитературных факторов, которые, по сути, и определяют хронологию тенденций научного осмысления эпоса.

Хронология развития научных взглядов в области манасоведения во многих научных трудах отражена в виде исторических этапов. Так, например, в своих трудах, посвященных изучению истории манасоведения, С. Мусаев делит исследования по данному направлению на два этапа, т.е. на исследования до Октябрьской революции и, соответственно, на труды, опубликованные после нее (1, 4-ст.). Позже данная классификация детализируется автором, а труды, относящиеся к первому этапу («Мажму ат-таварих», исследования Ч. Валиханова, В. Радлова, Г. Алмаши и др.), толкуются им как первые сведения, которые имеют только фрагментарный характер. Следовательно, по мнению автора, в них отсутствовали такие категории, как системность и последовательность, присущие сугубо научному подходу исследования. Словом, С. Мусаев приходит к выводу, что отдельные фрагментарные сведения, об эпосе, относящиеся к первому этапу, не достигали научного уровня в полном смысле этого слова. Скорее они носили характер эмпирических предпосылок для дальнейших научных исследований (2, 44-ст.).

Что касается записи отдельных фрагментов эпоса и их публикаций, то автор относит их к основным направлениям, которые опять-таки имели стихийный, более того, как утверждает автор, случайный характер. Очевидность мнения автора касательно записи эпоса не вызывает никаких сомнений. Так как только наличие письменного варианта эпоса могло стать условием его исследования. В то же время следует отметить, что автор, именуя исследования дореволюционного периода не более чем как фрагментарные, стихийные сведения, тем самым допускает некое неуместное обобщение, как нам представляется, даже ограничение относительно исследований упомянутого выше периода. **На наш взгляд, любой духовно-культурный объект, тем более эпос титанического масштаба как «Манас», без теоретической основы, соответствующей методологической базы и наконец, научного переосмысления т.е., познания эпоса через призму научных категорий и принципов не мог бы стать сам по себе предметом научных исследований. Более того, без таких обязательных условий эпос остался бы на уровне всего лишь фольклорного материала.** В этой связи можно предположить, что при ознакомлении с фольклорными материалами, записанными В. Радловым, автор не обращал

должного внимания на научные взгляды, запечатленные во введении, которые по сути и отражали теоретическую базу последующих научных исследований по эпосу «Манас».

Следует особо подчеркнуть, что труды В. Радлова уже до Октябрьской революции стали своего рода теоретической основой, фундаментом для кыргызской эпической поэзии. Но несмотря на это, данное обстоятельство проясняется значительно позже, когда теоретические положения упомянутого выше тюрколога находят свои практические применения в процессе изучения не только самого эпоса, но и целого ряда проблем, связанных с феноменом сказительского мастерства. Помимо того, судя по имевшимся на сегодняшний день материалам, В. Радлов имел возможность довольно часто слушать отрывки эпоса в исполнении сказителей. Именно поэтому ученый отмечает бессмысленность записи эпоса, объясняя это тем, что эпос постоянно и бесконечно меняется.

Еще до выхода на свет полного варианта эпоса «Манас» В. Радлов положил без преувеличения, базовую основу для последующих исследований, в частности, направленных на изучение специфики целого ряда теоретических проблем, связанных с творчеством акынов и сказителей. Поэтому многие манасоведы и фольклористы относят В. Радлова к числу ученых, стоявших у истоков манасоведения. К примеру, известный фольклорист М. Мукасов считает, что зарождение манасоведения как самостоятельной науки берет свое начало с середины XIX века, когда появились первые сведения научного характера, принадлежавшие Ч. Валиханову и В. Радлову (3, 9 с.).

Относительно второго этапа, т.е., исследований в области манасоведения после Октябрьской революции, С. Мусаев пишет следующее: **«Первый этап можно условно назвать «этапом зарождения», который начинается с 20-х годов и кончается 30-ми годами, а второй этап следует назвать «этапом поисков» которому можно отнести 50-60-е годы, и наконец, третий этап начинается с 70-х годов и включает в себя настоящее время. Следовательно, третий этап, на наш взгляд, заслуживает названия «этапа зрелости», поскольку именно на данном этапе манасоведение достигает уровня самостоятельности как междисциплинарная наука (4, 62 с.).** С этим мнением автора в целом, можно согласиться, но есть моменты, не бесспорность которых очевидна. Как ученый-практик С. Мусаев при классификации этапов опирается на такие мероприятия как запись отдельных вариантов эпоса, их публикации, перевод и появление образцов в виде прозы. Но и здесь наблюдается неоднозначная ситуация, схожая с особенностью исследований, где научные интересы В. Радлова опережали публикацию эпоса в полном его объеме. Собственно, и на втором этапе, подобно исследованиям В. Радлова, опережая издания письменного варианта, появились фундаментальные труды целого ряда ученых, как М. Ауэзов, К. Рахматуллин, А. Бернштам, П. Берков, В. Жирмунский, Б. Юнусалиев жана да Е. Поливанов, Т. Байджиев, О. Жакишев. **Из вышесказанного следует, что научные интересы к эпосу «Манас» выходили за рамки организационных составляющих, в частности, как запись и, соответственно, публикация эпоса. Яркой иллюстрацией этого являются научные труды упомянутых выше ученых, которые уже в 30-40-е годы, по сути, и определили перспективы развития манасоведения как науки.** Следует особо отметить, что здесь количество научных исследований не имеет принципиального значения. Так как, несмотря на их относительную ограниченность в количественном отношении, в них заложены, на наш взгляд, магистральные направления, методологическая база, словом, почва для последующих исследований. **Таким образом, опираясь на научную ценность трудов упомянутых выше ученых, есть основание полагать, что формирование манасоведения начинается с 40-х и достигает стадии завершения уже в первой половине 50-х годов.**

В целом, логическая последовательность научной характеристики С. Мусаева относительно эволюции манасоведения не вызывает никаких сомнений. Вместе с тем, достаточно убедительны выводы, где четко отражены характерные особенности каждого этапа. Однако, как уже отмечено выше, в данной классификации автор больше внимания уделяет на практическую составляющую, т.е., на этапы, касающиеся организационного оформления эпоса, нежели на его исследования. Исследовательская работа в упомянутой классификации имеет поверхностное описание, потому как автор не придает принципиального значения вопросам, касающимся сугубо научного аспекта. Но как мы полагаем, в процессе зарождения, формирования и развития манасоведения как науки роль доминирующего фактора, безусловно, принадлежит именно научным исследованиям, без которых история манасоведения представляла бы собой не более чем историю книгопечатания.

Если учесть в данном контексте когнитивную, т.е., познавательную функцию науки, то объектом познания в манасоведении являются сам эпос и, соответственно, его создатели – сказители (1), а в качестве субъекта выступают квалифицированные кадры (2), деятельность которых направлена на научное толкование и исследование той или иной проблемы, связанной с эпосом. Без наличия, единства и сочетания этих составляющих не представляется возможным зарождение манасоведения как науки.

Как известно, любой объект без человеческого вмешательства, направленного на его научное познание, и, как результат этого, его рационального объяснения, остается на уровне неизученного,

неопознанного материала. В этом смысле и эпос «Манас» существовал в жизни кыргызского народа как уникальный образец устного народного творчества, как художественная форма познания, который в силу внешних факторов оставался на уровне неизученного, в современной его понимании, материала. Перспективы исследовательских работ открываются только с половины XIX века, когда эпос появляется в поле зрения русской, а вслед за ней и европейской культуры. В частности, подобные перемены произошли благодаря первым популяризаторам и исследователям эпоса – Ч. Валиханову, и В. Радлову. Могли бы произойти такие перемены, скажем, 100 или 300 лет тому назад? Вполне возможно, ибо и в то время в народе были сказители «Манаса». Но, несмотря на это, отсутствовали исторические предпосылки, в частности, культурно-государственная интеграция кыргызов к российской империи. Следовательно, не было и ученых как Ч. Валиханов и В. Радлов, фундаментальные труды которых впоследствии вошли в золотой фонд мировой ориенталистики, этнографии и компаративистики. Из этого следует, что манасоведение могло появиться только при наличии этих двух составляющих, т.е., объекта и субъекта. **На этом основании, вторую половину XIX века принято считать временем зарождения манасоведения, а первопроходцами в этом направлении являются офицер российской армии, сын ага-султана среднего жуза казахов Чокан Валиханов и действительный член Российской Императорской академии наук Вильгельм Радлов.**

Последующие этапы сбора материалов по эпосу носили лишь фрагментарный характер, более того, дальнейшее развитие манасоведения попадает почти в полувековой застой. Перелом общественных и политических условий в этом направлении приходится на начало 20-х годов XX века. В данном этапе развития манасоведения наблюдается некий дисбаланс отмеченных выше составляющих, т.е., несмотря на то, что в 20-е годы жили последние представители плеяды великих сказителей эпоса, недостаточно было подготовленных специалистов, которые могли бы продолжить масштабные научные исследования в данном направлении. Между тем, двойственность отношения к эпосу (действительно ли «Манас» является истинно народным эпосом или в нем заложена идеология феодальной аристократии?) породила некие незримые преграды для дальнейшего развития манасоведения. Эти препятствия выражались в пассивности работ по записи эпоса, в недостаточности выделения финансовых средств со стороны государства, и наконец, в нехватке квалифицированных кадров. Этот отрезок истории, в котором господствовала некая неопределенность по отношению к эпосу, пришел к своему завершению после конференции 1952-года, вслед за этим наблюдается изменение литературно-политического климата в положительную сторону. Однако за это время были отодвинуты назад многие направления по изучению и популяризации эпоса, были потеряны уникальные исторические возможности, в частности, запись полных вариантов трилогии. От С. Орозбакова успели записать только первую часть трилогии, т.е., «Манас», а некоторые сказители как С. Каралаев, М. Чокморов, Ш. Рысмендеев сумели оставить полные, а другие же сокращенные варианты эпоса.

Таким образом, 20-30-40-е годы для манасоведения сопровождалась чередой побед и неудач, выигрыша и проигрыша, даже были моменты, когда идеологическая машина могла нанести эпосу едва ли не смертельный удар. И анализируя все эти подъемы и падения, мы можем прийти к выводу о том что, несмотря на упомянутые выше обстоятельства манасоведение встало на путь своего исторического развития.

Литература

1. *Мусаев С.* Манастаану илиминин тарыхы. Б., 2000.
2. *Мусаев С.* Манастаану илиминин калыптанышы жана өнүгүшү. Китепте: Кыргыз адабиятынын тарыхы. VIII том. Б., 2012.
3. *Мукасов М.* Кайрылып куштар келбеспи. Китепте: Манастаануучулар. Түзгөн Н. Калыкова. Б., 2012.
4. *Мусаев С.* «Манас» эпосу. Китепте: Кыргыз адабиятынын тарыхы. «Манас» жана манасчылар. Фольклористика. II том. Б., 2004.